

Общая газета. - 1994.

ЮБИЛЕЙ

- 30 лев. - 5 февр. - с. 10

Ребус о гении и злодействе, разгаданный Валентином Катаевым

Евг. ПОПОВ

— Что продается? — спросил один из старьевщиков.
— Все, — сказал Петр Иванович с нетерпением и
боком присел на подоконник, закусив губу.
В. Катаев. «Отец». Рассказ (1922—1925 гг.)

РЕШИТЕЛЬНО не укладывается в утомленной новыми жизненными реалиями бывшей советской голове, что В.П. Катаеву исполнилось бы сегодня 100 лет.

Багрицкий умер в 34-м, Бабель и Булгаков закончили жизненный путь в 40-м, Платонов — в 51-м, Олеша — в 60-м, Эренбург — в 67-м, Паустовский — за месяц до «пражской весны» 68-го. Катаев... Удивительно, но кажется, что он еще вчера ходил по переделкинским дорожкам, любовно пестовал созданный им журнал «Юность», участвовал в различных писательских сборищах, написал ту самую прозу, которая заставила критиков заговорить о «другом Катаеве», «новом Катаеве» — в смысле, что он как бы теперь и не орденосеиц вовсе, и не автор книги «Сын полка», а какая-то такая модернистская личность, вроде выпущенных им в свет посредством «Юности» нынешних (конца века) непатриархов-шестидесятников: проза — Аксенов, Гладылин, Кузнецов (Анатолий, а не Феликс, разумеется), поэзия — Евтушенко, Вознесенский и др. И пусть др. не обижаются на меня — я дурного ничего в виду не имею: просто они не были связаны так напрямую с Катаевым, о котором единственном и идет сегодня речь. Просто время уходит, как вода в песок, то есть фильтруется, и сейчас уже тем, кто до сих пор именует друг друга Витя, Вася, Женя, Толя, Андрюша, тоже, между прочим, уже за или под шестьдесят.

Да что там говорить, когда я и сам еще вчера был молодым писателем, и совсем недавно, а именно в 1969 году, послал из Красноярска рассказы в Москву, на домашний адрес В.П. Катаева в Лаврушинский переулок. К моему скорее нынешнему, чем тогдашнему удивлению, я тогда получил и ответ, писанный авторучкой, а не на машинке либо секретарем. Мало того, и на конверте адрес был написан все той же рукой мэтра, который сообщал мне следующее:

— что человек он старый, больной и обычно в переписку с авторами не вступает;

— но что рассказы мои показались ему талантливыми, и поэтому он все же отвечает мне;

— хотя крайне огорчен моей писательской грубостью и малой избирательностью, следствием все той же грубости;

— и что он рекомендует мне ни в коем случае не бросать мою основную работу (я тогда работал геологом);

— и попытаться писать более изящно, иначе с меня не будет никакого толку.

Письмо это мною в процессе биографических коллизий утрачено, и я не могу точно восстановить его по памяти. Надеюсь, читатели не

обвинят меня во вранье, так как, во-первых, у меня есть свидетели, а во-вторых, во всем этом нет ничего для меня выгодного. Зато облик Катаева высветляется весьма благородно: боюсь, что редко кто из нынешних мэтров всех поколений способен на такое — взять да и ответить по делу совершенно незнакомому провинциалу юных лет. И, подчеркиваю, своею собственной рукой!

Чему-то все же научившись из этого письма, я личных встреч с мэтром не искал, но указанных им грубостей не оставил, что и привело меня в промежуточном итоге в альманах «Метрополь», несомненным лидером которого был «открытый» Катаевым В.П. Аксенов, с которым у меня никаких расхождений по части грубостей не имелось. Катаев же к тому времени отличился созданием ряда новых виртуозных «мовистских» текстов (которые я перечел на днях и свидетельствую, что это — литература на все времена), а также написанием различных писем против диссидентов и за родную коммунистическую партию, начисто опровергающих тезис о несовместимости гения и злодейства.

И это — главная тайна его личности, по крайней мере для меня. Зачем ему все это было нужно?

Зачем нужно было старому человеку, Герою соцтруда, лауреату премий, настоящему, а не думному класснику срываться с уютной переделкинской дачи и в обществе патентованных полонков клеймить «отщепенцев»? Разве нельзя было сослаться на здоровье, возраст, занятость «нетленной»? Разве не отвязались бы от него враз и навсегда, если бы он с высоты своего положения рявкнул: «Отвалите, бесы!»

Или высота положения тем и обеспечивает, что крикнуть подобное с нее невозможно, тут же кубарем полетишь вниз?

Или ему это нравилось?

Или его «кто-то сильно напугал», как говорили в дурдоме персонажу М. Булгакова, ставшего в свою очередь персонажем одной из лучших книг Катаева «Алмазный мой венец»?

«Детский вопрос» — так, очевидно, реагировал бы Катаев на мои риторические восклицания.

И я имею право на такой прогноз, потому что лет через десять после того письма участвовал в чрезвычайно любопытной встрече мэтра с молодыми писателями, где именно так отвечал он на вопрос жаждущего правды прозаика Юрия Аракчеева: отчего вот мастер писал всю жизнь по-советски, а теперь вот пишет как бы совсем не по-советски, не мешает ли ему в творческом плане это двоемыслие?

ДЕТСКИЙ ВОПРОС!

Любопытна была эта моя первая и последняя встреча с Катаевым. Поразительно, что на вопросы дискомфортные, типа аракчеевского, он просто-напросто не отвечал, даже не ссылаясь на глухоту, а просто начиная говорить о другом.

Зато Катаев сильно оживился и всячески обложил С. Михалкова, что не вызвало особого удивления у нас, читавших «Святой колодец», где фигурирует разевшийся «худой нищий юноша с крошечной искоркой в груди». Задним числом полагаю, что это были их дела — Михалкова, Катаева, Чаковского, писательских начальников, о каждом из которых можно вспоминать, как нынче выражаются, **амбивалентно**.

Николай КОЧНЕВ

И. Гофф, К. Ваншенкин, Б. Окуджава и В. Катаев на вечере 20-летия журнала «Юность» в ЦДЛ.

Затем он сообщил, что никак не относится к «Чевенгуру» Платонова, потому что никогда Платонова не читал, равно как и Джойса.

Зато Марселя Пруста читал вместе с лучшим писателем двадцатого века Ю. Олешей, величие которого состоит в том, что он «вместе со мной» (В. Катаевым) изобрел «ассоциативную прозу». Тут-то и последовал ответ на вопрос о Джойсе и Платонове...

Бог ты мой! Но почему же мы все-таки смотрели на него влюбленными глазами и нам было интересно все, что он говорит?

Да потому, повторяюсь, что он был великий писатель, еще в литературной юности разгадавший этот ребус — о гении и злодействе. Не в пользу ни того, ни другого.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ. Вот что сообщает в «Литгазете» за 1984 год упомянутый Феликс Кузнецов, тогдашний глава Московской писательской организации: «Все мы — писатели — находимся под огромным впечатлением от сегодняшней речи Константина Устиновича (Черненко, если кто забыл. — Е.П.). Только что я разговаривал с Валентином Петровичем Катаевым, который сказал, что считает эту речь блестящей. И это совершенно справедливо».

Если кто не забыл, Константину Устиновичу оставалось жизни менее полутога, а Валентину Петровичу менее двух лет. Ну, оно вполне может быть, что услужливый Феликс Феодосиевич действительно находился «под огромным впечатлением». Но я никогда в жизни не поверю, чтобы такой здравый ум, которым несомненно являлся Катаев, мог счесть бессмысленные слова хрипящего старца «блестящими». Впрочем, не мое это дело — верить, не верить. Сказать нечто подобное он, наверное, мог, отчего бы и не сказать. **С волками жить, по-волчьи выть.** И раньше много раз приходилось делать подобное. Тем более что слово — хочешь не хочешь, но все-таки не дело.

Разгадка тайны его, конечно же, в художественных текстах.

Вопрос из 1977 года о раньше и теперь в творчестве В.П. Катаева еще и оттого «детский», что ведь автор, сформировавшись, практически больше потом не менялся, только стиль его становился все более отточенным и изощренным. А что касается содержания, то всю жизнь одной из навязчивых тем Катаева была эта самая одесская ЧеКа, в гараже которой новые санюлоты бойко расстреливали под звук моторов свежиспеченных «врагов народа», судьба чекистской «Мурки», сдавшей любимого-белогвардейца, почти фрейндистская сыновья неблагодарность («Отец»), а также понятное, но патологическое желание выжить среди сонма хамов любой ценой, — откуда и те знаменитые американские ботинки, за которые, если верить желчному Ивану Бунину, молодой литератор Валюн клялся пришибить любого.

Никого, кажется, не пришиб, никого не посадил, ни на кого не донес. Всю свою сознательную жизнь прожил в качестве циника и романтика в циничном государстве большевиков. Не судите, да не судимы будете...